

въ свѣтъ цѣлый рядъ официальныхъ актовъ, относящихся къ эпохѣ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Сюда вошли переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II, переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, отъ 1763 до 1772 годовъ, со включеніемъ многихъ собственноручныхъ писемъ Фридриха II къ графу Сольмсу (тогдашнему посланнику Пруссіи въ Петербургѣ), и, наконецъ, переписка англійскихъ посланниковъ отъ 1762 до 1776 годовъ. Изъ комбинаціи всѣхъ этихъ актовъ, достовѣрность которыхъ тѣмъ болѣе несомнѣнна, что они и получены официальнымъ путемъ, явствуетъ съ очевидной, осязательной ясностью, что не только первая мысль и общій планъ раздѣла Польши, но и мельчайшія подробности фактическаго осуществленія этого плана принадлежать Фридриху II. Съ самыхъ первыхъ дней вступленія Екатерины на престолъ, онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду очевидно ранѣе еще созрѣвшей въ немъ мысли, и день за днемъ, такъ сказать, капля по каплѣ впускалъ ее въ голову Екатерины, которую осторожно, незамѣтно велъ все дальше въ желанномъ ему направленіи, подводилъ все ближе къ давно намѣченной имъ цѣли. Не говоря уже о крупныхъ событіяхъ, не было ни одного самаго маленькаго происшествія, насчетъ котораго онъ не спѣшилъ бы подать, какъ самъ онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ, «откровенный и чистосердечный» совѣтъ своей «доброй сестрѣ, подругѣ и вѣрной союзницѣ» (такъ Екатерина подписывала всегда свои письма къ нему). Сравнивая событія той эпохи съ донесеніями прусскихъ пословъ и съ собственными письмами Фридриха къ нимъ и къ Екатеринѣ, нельзя не видѣть, что, въ первые десять лѣтъ царствованія Екатерины, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ—и министромъ всесильнымъ, въ родѣ, напримѣръ, Ришельё во Франціи, или теперь Бисмарка въ Германіи,—былъ въ сущности не кто иной, какъ король прусскій. И не только по вопросамъ вѣшной политики, онъ и по внутреннимъ дѣламъ не оставлялъ Екатерину своими совѣтами. Такъ, отвѣчая императрицѣ на письмо, посланное ею къ нему вмѣстѣ съ экземпляромъ своего «Наказа», по поводу котораго онъ, разумѣется, выражаетъ восторгъ и изумленіе—Фридрихъ говоритъ, между прочимъ: «Я поставилъ себя на ваше мѣсто, государыня, и прежде всего уразумѣлъ, что каждая страна имѣетъ особенныя условія, требующія, чтобы законодатель сообразовался съ геніемъ народа, подобно тому, какъ законодатель долженъ сообразоваться съ почвой, чтобы заставить процвѣтать на ней свои растенія. Есть мысли, по отношенію къ